

В. Ф. УТКИН – ОДИН ИЗ ТВОРЦОВ ЯДЕРНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

С. Т. БРЕЗКУН

Владимир Федорович Уткин – дважды Герой Социалистического Труда, академик АН СССР, на протяжении почти двадцати лет руководитель днепропетровского ракетного КБ и НПО «Южное», а с 1990 г. – директор ведущего «ракетного» института, ЦНИИмаш, скончался 15 февраля 2000 г. в Москве. Тогда закончилась целая славная эпоха, которая, впрочем, логически должна быть продолжена!

17 октября 2013 г. – 90-летие со дня рождения Владимира Федоровича, выдающегося и самобытного деятеля отечественной науки и техники, и эта дата – хороший повод вспомнить прошлое, имея в виду будущее...

Судьба Уткина оказалась, безусловно, единственной в своем роде, как это и бывает с каждым по-настоящему крупным человеком. Но судьба Уткина оказалась и типичной для его времени: сын рабочего, вначале – сам рабочий, авиамоделист, затем – солдат Великой Отечественной, после войны – студент... И, наконец, молодой инженер, выпускник Ленинградского военно-механического института, сразу же ушедший в новую, бурно развивающуюся ракетную проблему.

Когда Уткин появился в 1952 г. в днепропетровском серийном КБ-586 В. С. Будника как инженер, он был молод. Тем не менее, в Днепропетровск приехал не мальчик – по годам и по жизненному опыту и характеру. Нет сомнений, что это сыграло свою роль в быстром профессиональном становлении и быстром служебном росте Уткина. Он долго – по причине войны – «запрягал», зато быстро «поехал».

В 1954 г. в Днепропетровске организуется опытное конструкторское бюро ракетостроения во главе с М. К. Янгелем, и с этого момента жизнь В. Ф. Уткина приобретает новый размах и новые перспективы. В 1961 г. он становится одним из заместителей Янгеля, а в 1967 г. – первым заме-

В. Ф. Уткин с супругой

стителем. Причем замещать Главного его первому заму приходилось нередко – Янгель часто побаливал, и после его ухода из жизни 48-летний Уткин принимает на себя всю полноту ответственности за КБ. Масштаб деятельности Владимира Федоровича окончательно становится первостепенно государственным.

В. Ф. Уткин

Владимир Федорович входил в плеяду наиболее крупных руководителей советского ракетостроения. Первыми здесь были, конечно, Сергей Павлович Королев и Михаил Кузьмич Янгель, но замкнул навсегда первую тройку советских ракетчиков, пожалуй, Уткин, разве что разделяя третье-четвертое место с Валентином Петровичем Глушко...

Однако, если иметь в виду титанов оборонного ракетостроения, особенно – в сфере разработки МБР, то тут, пожалуй, Уткин занимает даже первое место в великой ракетной «когорте». Скажем, Королев, начав с разработки знаменитой «семерки» – межконтинентальной баллистической ракеты Р-7 и ряда более совершенных ее модификаций, затем переключился на мирную космическую тематику. А ракетное КБ «Южное» Янгеля и Уткина в Днепропетровске стало ведущей организацией в области создания МБР для наших Ракетных войск стратегического назначения.

Днепропетровцы, особенно под руководством Владимира Федоровича, успешно занимались и мирными космическими ракетами-носителями, однако их наиболее важные для страны успехи были связаны все же с оборонными задачами. И прежде всего с обороной страны прочно связано имя В. Ф. Уткина.

Именно в своей «оборонной» ипостаси он был прекрасно известен у нас, в крупнейшем и старейшем центре разработки советского ядерного оружия – КБ-11. Впечатление Владимир Федорович производил при этом неизменно мощное, хотя за эффектом никогда не гнался, был сдер-

Директор Южного машиностроительного завода А. М. Марков и главный конструктор КБ «Южное» В. Ф. Уткин

жан и скромнен.

С 1990 г. и до конца жизни Уткин, уехав из Днепропетровска в Москву, занимал пост директора Центрального научно-исследовательского института машиностроения – ведущего предприятия ракетно-космической отрасли, и на этом посту Владимир Федорович успел сделать тоже немало. Однако в такой его ипостаси мы уже не были связаны с ним так, как в бытность его главным конструктором КБ «Южное» и затем – генеральным директором и генеральным конструктором НПО «Южное». Поэтому все, что здесь сказано, подразумевает деятельность В. Ф. Уткина как нашего коллеги по разработке ракетно-ядерного щита Родины.

Владимир Федорович был первым соратником и помощником Михаила Кузьмича Янгеля и его прямым преемником. При этом оба – и Янгель, и Уткин, долгие, плодотворные десятилетия были ближайшими «смежниками» ВНИИЭФ. Собственно, под нашу «полезную», так сказать, нагрузку и проектировались почти все стратегические носители Днепропетровского «ракетного куста»: Р-12, Р-14, Р-16, РТ-23УТТХ и, наконец, знаменитое «семейство» МБР Р-36.

Михаил Кузьмич Янгель ушел из жизни в 1971 г. – до обидного рано. И хотя для ветеранов ВНИИЭФ он все еще остается живой, незабываемой личностью, однако ныне действующие зрелые разработчики ядерного оружия наиболее тесно работали уже с Владимиром Федоровичем, который буквально подхватил эстафету у Янгеля в непростые и ответственные времена.

В 1970–1980 гг. командировки «в КБЮ», «в Днепр» были для многих специалистов ВНИИЭФ почти таким же рутинными событиями, как и обычные командировки в Москву. И это при том, что ядерщики были скрыты тогда

от нескромных глаз еще более тщательно, чем ракетчики, и контакты с внешним миром были сведены до необходимого жесткого минимума. Ведущие фигуры ядерной оружейной работы были почти неизвестны даже в узком кругу «оборонщиков».

Характерная деталь из времен уже нынешних... В одном из капитальных современных трудов по истории ракетной техники помещена фотография, сделанная в КБЮ в 1979 г., во время празднования 25-летнего юбилея КБ. В подписи к фото сидящий в первом ряду научный руководитель ВНИИЭФ академик Юлий Борисович Харитон назван «главным конструктором ядерных боеприпасов», а начальник в/ч №... (ныне – Центральный физико-технический институт МО РФ) генерал Баррикад Вячеславович Замышляев – начальником никогда не существовавшего «Института ядерного оружия Минобороны». Главный же конструктор ядерных зарядов уральского центра ядерного оружия, тогда – ВНИИ приборостроения (ныне – ВНИИ технической физики) академик Борис Васильевич Литвинов, стоящий крайним в первом ряду, не упомянут вообще.

Однако Владимиру Федоровичу Уткину и его подчиненным «гостям» из ВНИИЭФ представлять нужды не было – мы были не просто добрыми знакомыми, но и товарищами по оружию, а точнее – товарищами по созданию оружия. Ядерное боевое оснащение тех ракет, которые разрабатывало КБЮ и изготовляли днепропетровский «Южмаш» и Павлоградский завод – это и был тот «золотник» всего ракетно-ядерного дела, который, по сравнению с самим носителем, был мал, да дорог.

ВНИИЭФ и КБЮ всегда работали в «единой упряжке», и обеспечить ядерный «золотник» было нашей задачей, а также – второго, уральского ядерного центра – ВНИИТФ (Челябинске-70). При этом основой ядерного оснащения наших РВСН и сейчас остаются «саровские» заряды, хотя вклад уральцев тоже оказался весомым. Усилия разных «фирм» здесь взаимно не вычитались, а переплетались и взаимно складывались – без всяких «договорных» обязательств.

Серьезные усилия в инженерной сфере давно стали коллективными. Главные конструкторы лишь возглавляют многотысячные научно-инженерные коллективы, а движется огромное дело разработки современных конструкций творчеством множества специалистов под руководством Главных. Так было и есть у «зарядчи-

ков», «БЧ-истов», так было и есть у ракетчиков. Но сосредоточим подлинно эффективной деятельности, которой приятно и радостно заниматься, может и должен быть главный конструктор. Если это не так – даже мощный коллектив начинает «пробуксовывать» и постепенно деградировать.

Владимир Федорович был настоящим Главным конструктором – он естественно соединял в себе коллективную мысль и накладывал на нее собственные мысли и идеи так, что в итоге, «на выходе», получался реальный, значимый результат.

Впрочем, это – как посмотреть... В некотором отношении результатом нашей общей работы с Уткиным было отсутствие видного для всех результата. И такая, на первый взгляд, парадоксальная мысль требует, пожалуй, пояснения...

Скажем, результатом усилий того же королевского КБ были старты Гагарина и его товарищей. А самолеты, например, Туполева, Ильюшина, Антонова, Яковлева перевозили миллионы тонн грузов и миллионы пассажиров.

А каким был результат нашей совместной работы с днепропетровскими ракетчиками? Результатом была сохраняющаяся и укрепляющаяся ядерная стабильность, непрерывный глобальный мир. Только после того, как в мире появилось небывало мощное – ядерное оружие России, военные конфликты между крупными государствами полностью прекратились. Но так ли уж для всех очевидна связь между русским ядерным оружием и глобальным миром?

Кто думает о воздухе, пока он дышит им в чистом поле? Кто думает о хрупкости мира, пока мир прочен? Если нет возгорания, об огнетушителе не вспоминают, его даже не замечают. Но как нужен огнетушитель, когда начинается пожар...

Так вот, советские ракетно-ядерные вооружения, одним из выдающихся творцов которых был Владимир Федорович, стали для гипотетического мирового ядерного пожара даже больше, чем огнетушителем. Они гарантированно исключили саму возможность возгорания! И такое положение вещей по мере развития деятельности В. Ф. Уткина лишь упрочнялось, так что его по праву можно назвать одним из творцов ядерной стабильности.

Венцом же оборонного творчества КБЮ и его руководителя стала знаменитая МБР Р-36 с разделяющейся головной частью. Позднее эта МБР трансформировалась в модификацию Р-36М, за-

тем – в Р-36М УТТХ и окончательно – в Р-36М2 с головной частью, в состав которой входят 10 боевых блоков. По коду НАТО МБР Р-36М2 это – SS-18 «Satan», то есть «Сатана». Однако более верным является ее отечественное название – «Воевода», а наиболее точно было бы назвать Р-36М2 «Миротворцем».

Глубоко миротворческую и стабилизирующую роль отечественных ядерных вооружений сегодня кое-кто ставит под сомнение. «Пожара» нет, и «огнетушитель» не представляется таким уж необходимым. И если не режут двигатели уткинских МБР, а на их вершине постепенно стареют «без дела» наши ядерные головные части, мир, по сути, не замечает нас, не помнит о нас, ядерщиках и ракетчиках.

Однако основания для внутреннего удовлетворения у нас все-таки есть. Наш результат – прочный глобальный мир в динамичной и потенциально взрывоопасной эпохе, надежно гарантированный ядерным фактором.

Глобальная военно-политическая нестабильность не может не стать губительной для всей мировой цивилизации, и как раз для обеспечения стратегической стабильности работал большую часть своей жизни Владимир Федорович. И он не просто, как говорится, «внес вклад», а стал одним из активных и настойчивых, последовательных и бесстрашных основоположников как концептуального фундамента современного механизма ядерного сдерживания, так и его практической, материальной базы. Уткин здесь оказался прямым продолжателем идей и подходов М. К. Янгеля.

Межконтинентальная баллистическая ракета Р-36

Сегодня перестал быть секретом так называемый «спор века» в военно-промышленном комплексе СССР на рубеже 1970-х гг. А сам спор стоит того, чтобы напоминать и напоминать о нем, и не столько в интересах истории, сколько в интересах нашей перспективной обороны.

В свое время много спорили – на какой тип ядерного удара надо ориентировать наши Ракетные войска стратегического назначения (РВСН)? Упреждающий массированный ядерный удар в случае угрозы войны был для СССР неприемлем, как неприемлем он, заметим, и для современной России. Однако сформировалась влиятельная группа сторонников идеи ответно-встречного удара, когда МБР выходят из своих шахтных пусковых установок (ШПУ) еще до прихода на нашу территорию ракет агрессора, совершившего первый удар.

Ясно, что идея ответно-встречного удара не требовала особого упрочнения ШПУ от поражающих факторов ядерного взрыва. Однако непрочные шахты могли породить у потенциального агрессора соблазн ударить по незащищенным шахтам первым. А успеет ли застигнутая врасплох жертва агрессии нанести «встречный» ответ – это еще вопрос!

Уже Михаил Кузьмич Янгель твердо встал на позицию обеспечения гарантированного ответного ракетно-ядерного удара возмездия по агрессору при любых, даже самых неблагоприятных для нас условиях первого удара по СССР. После кончины М. К. Янгеля одной из главных фигур по реализации идеи гарантированного ответного удара стал Уткин (наряду с тогдашним директором ЦНИИмаш Ю. А. Мозжориним, академиками М. В. Келдышем, А. П. Александровым, В. П. Глушко, Н. А. Пилюгиним и другими).

Юрий Александрович Мозжорин – директор ЦНИИмаш с 1961 по 1990 г.

Такой подход требовал ШПУ, стойких к поражающим факторам ядерного взрыва, высокопрочных, способных выдержать удар по ним и обеспечить пуск ракет по целям для ответного удара. Конечно, это был вариант более дорогой, однако только он обеспечивал идею ядерного сдерживания агрессии высокий, долговременный запас прочности.

Идея именно ответного удара наилучшим образом

соответствует многовековой русской военной традиции («кто к нам с мечом придет, тот от меча и погибнет»). Но и в рамках современных системных представлений вариант гарантированного ответного удара наиболее эффективен и надежен как инструмент исключения опасности реальной ядерной войны и перевода ее в виртуальную плоскость.

Настоять на этом варианте стоило Уткину немалой крови. Сохранилось фото тех лет, где зафиксирован момент острого спора между министром обороны А. А. Гречко и В. Ф. Уткиным прямо на космодроме Байконур. И лишь после жарких «битв» за ответный удар, идее высокопрочных ШПУ было дано «добро».

Тогда же, не без активного участия Уткина, было решено оснащать РВСН высокоэффективными шахтными МБР с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Началась долгая и славная история МБР Р-36.

Для зарядчиков работа над боевым оснащением Р-36 и ее модификаций содержала много принципиально новых дел. Несколько боевых блоков, с малым по сравнению с моноблоками миделем, означали, что надо создать мощные малогабаритные ядерные заряды и их автоматику с необычайно высоким весовым совершенством, с минимальными закладками делящихся материалов, с высокими показателями стойкости к поражающим факторам противоракетной обороны вероятного противника.

И эти задачи коллектив ВНИИЭФ успешно решил под руководством научного руководителя ВНИИЭФ академика, трижды Героя Социалистического Труда Юлия Борисовича Харитона и главных конструкторов ВНИИЭФ – академика, Героя Социалистического Труда Евгения Аркадьевича Негина и дважды Героя Социалистического Труда Самвела Григорьевича Кочарянца. Они, также как еще один выдающийся руководитель зарядной оружейной работы – Герой Социалистического Труда Давид Абрамович Фишман, были людьми одного с В. Ф. Уткиным поколения и сходного подхода к возникающим проблемам.

Вспоминая крупные совместные работы ВНИИЭФ и КБЮ, потенциал которых, пожалуй, и сегодня не исчерпан, можно выделить одно из интересных и до сих пор малоизвестных свершений советских ядерных оружейников – создание ядерного боевого оснащения для орбитальной ракеты Р-36орб (ОР-36, Р-36-0) на базе тяжелой МБР Р-36.

Этот проект стал ведущим в разработке «орбитальных» средств ответного удара. Тогда была создана специальная орбитальная ступень – орбитальная головная часть, в состав которой входили приборный отсек с системой управления, тормозная двигательная установка и боевой блок с термоядерным зарядом разработки ВНИИЭФ. Заряд для орбитальной ракеты имел свои особенности. Длительное время он должен был находиться, фактически, на борту космического аппарата, и это накладывало на конструкцию ряд нетрадиционных требований, однако наш коллектив успешно справился с такой ответственной задачей.

По программе летных испытаний было запущено тогда более 15 орбитальных головных частей (под наименованиями – для регистрации международными организациями – «Космос»-139; 160; 169; 170; 171; 178 и т. д.). Орбитальная головная часть выводилась на круговую или слабо эллиптическую орбиту с наклоном около 50 градусов.

Первый ракетный полк с МБР Р-36орб в составе 18 развернутых ШПУ заступил на боевое дежурство 25 августа 1969 г. и был единственным в РВСН. В январе 1983 г. по настоянию США комплекс Р-36орб был снят с вооружения, однако это был перспективный проект. Орбитальные ракеты по сравнению с баллистическими обеспечивали неограниченную дальность полета, позволяющую поражать цели, недостижимые для МБР, и обладали удовлетворительными точностями попадания в цель при очень больших дальностях пуска.

Основным же преимуществом орбитального варианта ракеты Р-36орб является ее способность эффективно преодолевать противоракетную оборону любого потенциального агрессора. Факт, актуальность которого сегодня несомненна.

Да, идеи и дела Владимира Федоровича Уткина имеют не только историческое значение. Напротив, они сегодня становятся как никогда актуальными и судьбоносными для Отечества. Конечно, не один Уткин развивал, отстаивал и воплощал в жизнь идеи ядерной стабильности на базе гарантированного ответного удара – эти идеи стали своими, выстраданными для целого поколения создателей ракетно-ядерного щита Родины. Однако насущные проблемы сегодняшнего и завтрашнего дня, смысл и характер оборонной деятельности Владимира Федоровича и его системная роль в событиях позволяют и ныне связывать некоторые основополагающие

Ю. А. Мозгорин и В. Ф. Уткин

принципы обеспечения ядерной стабильности с его именем.

Высокозащищенные старты – даже при последовавшем резком повышении точности стрельбы у американских МБР и БРПЛ – и сегодня создают высокую неопределенность исхода первого удара США по нашим ШПУ. А «тяжелая» МБР «Воевода», несущая 10 боевых блоков, по-прежнему оказывается важнейшим элементом обеспечения неотвратимости ответного удара России – пусть даже в минимальной, но гарантированной постановке!

Гарантированность ответного удара – вот важнейшее условие прочного мира для России. Для обеспечения его и не жалел сил Уткин. И вряд ли сам Владимир Федорович в те годы, когда он горячо отстаивал идеи прочных шахт и работал над модернизациями Р-36, предполагал, какое важнейшее – «на вырост» – оборонное дело он делал! По сути, тогда была заложена оптимальная, эффективная основа ядерной стабильности, основанной на предельно миротворческой схеме гарантированного возмездия агрессору. МБР «МХ» в США назвали «Peacekeeper» – «Хранитель мира», но для нашей Р-36М2 это название подходит больше.

На главное детище Уткина не раз замахивалась чужие, враждебные или свои «неумные» руки. С конца 1980-х гг. начались малообдуманные сокращения стратегических ядерных вооружений СИЦ и СССР по договору СНВ-1 между СССР и США. Развал СССР создал совершенно иную военно-политическую ситуацию, и наиболее разумным для РФ вариантом был бы выход из СНВ-1. Но тогда, в условиях соблюдения московского Договора по ПРО 1972 г. в 50 %-ом

Мемориальный комплекс (г. Касимов). Модель (1:10) ракеты-носителя «Зенит». 2002 г.

сокращении СЯС особой угрозы ядерной стабильности еще не возникало – при сохранении системного паритета.

Однако договор СНВ-2 резко вмешался уже в структуру РВСН, требуя полного нашего отказа от «уткинских» подходов и от его МБР. Высокозащищенные шахты должны были быть взорваны или необратимо изуродованы пятиметровыми бетонными «пробками», а сами МБР с РГЧ ИН – ликвидированы.

А ведь и шахты, и «тяжелые» шахтные МБР делались основательно, с большим запасом прочности. Ампулизованные МБР позволяют существенно продлевать сроки их эксплуатации, и это же можно сказать об их ядерном оснащении.

При этом СНВ-2 опирался на декларацию о неизбежности Договора по ПРО, но впоследствии этот Договор Соединенными Штатами был отброшен, расторгнут. И если бы договор СНВ-2 был реализован, уже сейчас режим ядерного сдерживания был бы необратимо подорван с непредсказуемыми для будущего России последствиями.

К счастью, борьба здоровых сил за «уткинские» МБР и против СНВ-2 увенчалась успехом, и ракеты Владимира Федоровича по сей день стоят в строю. Однако и национальная ПРО США «де-факто» уже существует во всех основных своих системных элементах, а ее развертывание – вопрос времени.

Не может быть двух мнений – такая ПРО не укрепляет, а подрывает ядерную стабильность. Уничтожение же наиболее эффективного сдерживающего российского механизма – «тяжелых» шахтных МБР Р-36М2, – еще более подрывает паритет и усиливает потенциальную нестабильность. Да, они постепенно вырабатывают свой ресурс, но определенный маневр по

времени ракеты Уткина нам обеспечивают. Не угрожая никому, они по-прежнему защищают как Россию, так и дело глобального мира.

Сегодня Россия разрабатывает новую «тяжелую» МБР, однако, на наш взгляд, было бы разумным совместно с ракетчиками Украины – киевлянами, днепропетровцами, харьковчанами – обсудить возможность самой широкой кооперации по совместному производству новых «тяжелых» шахтных МБР с РГЧ ИН. Напомним, что в апреле 1997 г. Государственная дума РФ принимала соответствующее Обращение «К народам, президентам и правительствам Российской Федерации и Украины и к Верховному Совету Украины» о необходимости восстановления научно-технического и производственного сотрудничества двух республик «прежде всего в области стратегических ракетных систем» (Постановление от 4.04.97 г. № 1295-11 ГД). Это обращение было принято 254 голосами (против – 29, воздержался – 1).

Восстановить производство русских «Воевод» в Днепропетровске не просто, но возможно – при ясно выраженной воле народов. При этом хватило бы работы и российским ракетчикам, если ставить задачу восстановления массивированного характера СЯС России. В рациональной военной организации России «Тополь» МИТ и «Воевода» КБЮ не конфликтуют, не конкурируют, а дополняют друг друга.

Хорошее решение никогда зря не пропадает. Вот так выходит и с главным делом жизни выдающегося нашего оборонного деятеля Владимира Федоровича Уткина. Его 90-летний юбилей мы отмечаем без него, однако это – не просто «знаменательная» дата. Фигура В. Ф. Уткина с годами не теряется и не заслоняется новыми проблемами, напротив – она постоянно побуждает к осмыслению и переосмыслению сделанного в его эпоху.

Очевидно, это и есть признак и показатель истинного масштаба сделанного Владимиром Федоровичем. Время не отдаляет его от нас, а напротив – по-прежнему выдвигает на передний край борьбы за надежный и стабильный мир, обеспеченный российским ядерным фактором.

И лучшим памятником Уткину будет сохранение мира и стабильности на базе тех военно-политических принципов, эффективность которых подтверждена самой жизнью.

БРЕЗКУН Сергей Тарасович –
профессор Академии военных наук